

А.М. Багмет*, Ю.А. Цветков**

СИЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ И ЕГО ПРОТИВНИКИ

Аннотация. Развернувшаяся в последние годы на страницах юридической прессы и научных форумах дискуссия о моделях организации следственной деятельности доказывает, что вопрос о следователе как процессуальной фигуре является в настоящее время краеугольным вопросом формирования современной доктрины досудебного производства, а по большому счету — и всего уголовного процесса. Авторы настоящей работы, обращаясь к примерам из прокурорско-судебной практики и практики организации правоохранительной деятельности за рубежом, анализируют основные аргументы противников становления сильной и самостоятельной следственной власти в Российской Федерации, в противовес которым обосновывают подходы к построению наиболее эффективной модели взаимодействия публичных участников уголовного судопроизводства, выдвигаемые научной школой Академии СК России. Предметом анализа являются положения действующего уголовно-процессуального законодательства, не наделяющие субъектов следственной деятельности правом обжаловать в судебном порядке решения прокурора, блокирующие движение уголовного дела, а также участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу без изменения своей процессуальной идентичности. Исследуется эффективность процессуального надзора за уголовно-процессуальной деятельностью следователя на примере отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. На примерах из практики Европейского Суда по правам человека по рассмотрению жалоб граждан на применение пыток при проведении оперативно-розыскной деятельности дается оценка надзорной практики прокуратуры в сфере соблюдения законности органами внутренних дел. Дается историко-критический анализ предложений современных российских ученых по усилению надзорных полномочий прокурора на стадии предварительного следствия и, соответственно, ослаблению процессуальной самостоятельности следователя и независимости следственных органов. Авторы прослеживают идейную и историческую связь между ликвидацией самостоятельности следственной власти и установлением пыточной практики в деятельности правоохранительных органов. Критике подвергается подмена истинных, напрямую связанных с интересами общества ориентиров в работе правоохранительных органов интересами мнимыми, связанными с достижением статистических показателей. Формирование сильной следственной власти на базе единого Следственного комитета РФ авторы считают наиболее приемлемым в нынешних исторических условиях путем совершенствования досудебного производства по уголовным делам, который может одновременно способствовать укреплению российской государственности и защите фундаментальных прав личности, и в первую очередь права на жизнь и личную неприкосновенность.

Ключевые слова: следователь, Следственный комитет, прокурор, досудебное производство, пытки, Европейский Суд по правам человека, преступления прошлых лет, надзор, конфликт, взаимодействие, эффективность.

© Багмет А.М., 2015

* Багмет Анатолий Михайлович — кандидат юридических наук, исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета РФ.

[akskrf@yandex.ru]

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12.

© Цветков Ю.А., 2015

** Цветков Юрий Анатольевич — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Академии Следственного комитета РФ.

[akskrf@yandex.ru]

125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12.

В научном журнале «Библиотека криминалиста» опубликована статья доктора юридических наук, судьи Верховного Суда РФ в отставке Н.А. Колоколова «Великое противостояние: следователь vs прокурор». В сухом остатке — следующий вывод: «Законодателю не лишним будет вернуться к вопросу о достаточности prerogativ прокурора для осуществления полноценного надзора»¹. Данной статьей ученый, в прошлом следователь, как бы перечеркивает всю свою предыдущую научную деятельность, прошедшую под лозунгом за «укрепление власти следственной»². Ничего, кроме сожаления, это вызвать бы не могло, если бы не одно «но»: статья является квинтэссенцией реставраторской тоски ряда российских юристов — ученых и практиков — по «великой» эпохе всевластия прокурора в уголовном процессе. Той самой эпохе, которая была подготовлена трудами незабвенного А.Я. Вышинского и ничего, кроме апофеоза беззакония 1930-х гг., нашей стране не принесла.

По аналогичной теме, хотя и под более «миролюбивым» названием: «Следователь vs прокурор? Не противостояние — сотрудничество» Н.А. Колоколов опубликовал статью также и в журнале «Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации» (2014. № 1.). В связи с этим следует сделать важную ремарку: редакционная политика нашей Академии состоит в том, чтобы предоставить возможность выступить со своей точкой зрения ученым, не разделяющим подходы нашей научной школы, дабы впоследствии в прямой и открытой дискуссии мы могли бы представить свои контраргументы. Так, в частности, именно на нашей площадке впервые изложил свою концепцию архетипов досудебного производства профессор Л.В. Головкин³. Опасный соблазн этой концепции — подогнать отечественную практику организации предварительного расследования под западные образцы — получил соответствующую критическую оценку в наших работах⁴.

В одном случае, правда, редколлегия Академии СК России отклонила направленную нам статью, подготовленную профессором Нижегородской академии МВД России А.С. Александровым в соавторстве с научным сотрудником Института проблем правоприменения (г. Санкт-Петербург)

М.Л. Поздняковым. Об этом факте можно было бы и не упоминать, если бы эта статья не была впоследствии опубликована в одном из федеральных изданий, правда, почему-то уже под именем только второго автора. Оторванные от практики рассуждения перемежаются в статье высказываниями, балансирующими на грани приличия. Следователь в ней назван «процессуальным бюрократором, паразитирующим на работе оперативных подразделений»⁵. В дискуссию в таких случаях вступать смысла нет, однако для справки стоит привести один лишь факт: за не столь продолжительный период функционирования Следственного комитета в связи с исполнением своих служебных обязанностей убито 13 и тяжело ранено 19 следователей СК России. Наверное, в понимании автора (или все-таки авторов?), размышляющего в кабинетной тиши над тем, «каким не стать Следственному комитету России к 2017 г.», это и есть какие-то там «паразитирующие бюрократы»? А может быть, «процессуальные бюрократы» — это те десятки сотрудников Следственного комитета (причем не только следователей, но и референтов из центрального аппарата), которые в августе 2008 г. под пулями (в прямом смысле этого слова) собирали доказательства военных преступлений грузинской армии в Южной Осетии? Да и вообще, о каком «паразитировании» на результатах оперативно-розыскной деятельности всерьез может идти речь при расследовании крупных техногенных катастроф (авария в московском метро в июле 2014 г. или на Саяно-Шушенской ГЭС в 2009 г.), многих должностных и экономических преступлений, преступлений против правосудия и прочих преступлений, для раскрытия которых требуется чисто следственный, а не оперативно-розыскной инструментарий? Именно поэтому рассуждать на профессиональном, а не дилетантском уровне об организации правоохранительной деятельности можно, только обладая личным опытом такой деятельности. Н.А. Колоколов таким опытом, безусловно, обладает, поэтому его суждения, которые на первый взгляд кажутся весьма убедительными, заслуживают самого детального рассмотрения.

Основной тезис статьи заключается в том, что позицию государства от лица стороны обвинения может представлять только прокурор, а значит, в споре между следователем и прокурором, по какому бы вопросу уголовно-процессуальной деятельности он ни возник, последнее слово должно оставаться за прокурором. «Перенос спора между следователем и прокурором в суд — явное свидетельство их незрелости, в основе которой <...> излишняя амбициозность некоторых

¹ Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор // Библиотека криминалиста. 2014. № 5 (16). С. 16.

² Он же. Укрепление власти следственной // Уголовный процесс. 2007. № 7. С. 41–52.

³ См.: Головкин Л.В. Развитие российского предварительного следствия и сравнительно-правовые архетипы досудебного производства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Академия СК России, 2014. Вып. 3. С. 186–196.

⁴ См.: Цветков Ю.А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14. С. 52–56.

⁵ Поздняков М.Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 23.

чиновников»⁶, — утверждает ученый. Логичным было бы предположить, что автор рекомендует умерить свои «амбиции» сразу обеим сторонам: и следователю, и прокурору. Однако не тут-то было! «У стороны обвинения может быть только одна позиция, которую должен определить прокурор»⁷. Вот и все. Оказывается, «амбиции» должен умерить следственный орган, а прокурор на них имеет полное право. Вот только возникает вопрос: на каких конкретно нормах закона, кроме как на чисто вкусовых предпочтениях того или иного ученого, основано такое видение? И это на самом деле краеугольный вопрос всей проблемы, которую многие ученые, не исключая и самого Никиту Александровича, желают представить в предельно упрощенном виде как проблему чисто субъективного порядка, порожденную амбициозностью конкретных должностных лиц.

Мы не будем подробно останавливаться на очевидном во всей логической цепочке рассуждений упущении такого важного звена, как потерпевший. Вспоминается чеховское: «Человека забыли!». В этом споре человека-то и забыли, и имя этому человеку — потерпевший. Ведь следуя этой логике, потерпевший, хотя и является стороной обвинения, но также не имеет права на свою позицию, за него, оказывается, позицию тоже определяет прокурор. Значит, следуя все той же логике, потерпевшему также надо запретить обжалование действия следователя или, не приведи Боже, прокурора, в суд в порядке ст. 125 УПК РФ? А если позиции следователя и потерпевшего совпадают, например, по тому же вопросу об избрании меры пресечения или объеме обвинения? Все равно прав прокурор? И потерпевшему, заодно со следователем, в такой ситуации тоже рекомендуется умерить свои «амбиции»?

Что же касается собственно «великого противостояния», то сводить его только лишь к банальным амбициям отдельных личностей было бы, повторяем, верхом упрощенчества.

Во-первых, стереотипы, связанные с представлением об исключительно отрицательной роли внутри- и межорганизационных конфликтов, вот уже как 30 лет успешно развеяны управленческой наукой и социальной психологией. «Бесконфликтных организаций не существует, — утверждает ведущий немецкий конфликтолог Э. Регнет, — поскольку конфликты заложены в структуре самой системы. Кроме того, избегание конфликтов также влечет за собой негативные последствия»⁸. И правда, откуда бы мы

узнавали о противоречиях в механизме правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, если бы не конфликты между ее субъектами?

Во-вторых, сами конфликтные ситуации между прокуратурой и следственными органами, если и возникают, то природа их значительно сложнее. По сути, это не конфликты амбиций, это конфликты идентичностей: прокурор зачастую цепляется за свою прежнюю идентичность хозяина процесса, а следователь отстаивает свою новую идентичность носителя самостоятельной и полноценной следственной власти⁹.

И, наконец, в-третьих, самое главное — законодатель не по какой-то нелепой случайности, а **вполне осмысленно** ослабил власть прокурора и укрепил власть следователя. Это называется система сдержек и противовесов: прокурор не может без следователя возбудить уголовное дело и собрать доказательства, а следователь не может без прокурора направить дело в суд и поддерживать обвинение в суде. Другими словами, законодатель, в противовес власти прокурорской наделил самостоятельностью власть следственную, однако уравнивал обе власти блокирующими полномочиями прокурора. Именно такая модель, хотя в ней и заложена потенциальная возможность разногласий и даже процессуальных конфликтов, «обрекает» и следователя, и прокурора на сотрудничество как единственно возможный способ эффективной деятельности каждого из них. Кстати, именно в тех регионах, где руководители и следственных органов, и прокуратуры осознали преимущества сотрудничества (например, в Волгоградской и Орловской областях), достигнуты и наиболее заметные результаты в организации уголовного преследования, в том числе и в отношении высокопоставленных должностных лиц. И почему эта модель так сильно удивляет некоторых наших ученых? Ведь это всего лишь один из этапов реализации той самой судебной реформы, Концепция которой была сформулирована и утверждена российским парламентом еще в 1991 г.

Поэтому, если уж законодатель заложил саму возможность спора между следователем и прокурором, наиболее последовательным было бы как раз, чтобы конечное слово в разрешении такого спора принадлежало не одной из спорящих сторон, а независимому арбитру, коим в данном случае может быть только суд. Недопустимость такого спора — не что иное, как предвзвешенность, унаследованная от советской эпохи, когда прокуратура устами Вышинского провозгласила себя хозяйкой уголовного процесса. На самом же деле дореволюционный процесс, ко-

⁶ Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор. С. 29.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Регнет Э. Организационные конфликты: формы, функции и способы преодоления. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. С. 111–112.

⁹ См.: Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–20.

торый был куда ближе к европейским стандартам демократического судопроизводства, допускал судебный порядок разрешения такого рода споров. Так, Правительствующий Сенат в 1913 г. постановил, что в случае разногласий между прокурором и следователем по таким важным вопросам, как, например, вопрос о возбуждении уголовного преследования, следователь вправе был передать дело вместе со своими возражениями в суд, которому и надлежало разрешить эти разногласия¹⁰.

Аналогичным образом следует поступить и в том случае, если прокурор отказывается утверждать обвинительное заключение и поддерживать обвинение в суде. В такой ситуации обвинение в суде должен поддерживать сам следователь или руководитель следственного органа, чтобы именно суд поставил точку в этом споре, а не прокурор, который вне рамок реальной и непосредственной проверки доказательств одним росчерком пера перечеркивает всю многомесячную кропотливую работу следователя. Кстати, именно в этом и состояли наши предложения¹¹, а вовсе не в том, чтобы полностью устранить прокурора из уголовного процесса. И тем более никто из нас ни в выступлениях, ни в публикациях никогда не называл прокурора «паразитичной шестерней», как это нам почему-то приписано с легкой руки того же автора¹².

Профессор Н.А. Колоколов утверждает, что подобная модель неприемлема, потому что «расследование проводят одни лица, выступают в суде другие»¹³. Почему, спрашивается, только так и никак иначе? Ответ: «Так принято в цивилизованных странах»¹⁴. Аргументация, основанная на апелляции к чужому авторитету, является, как известно из курса логики, «запрещенным приемом». В «цивилизованных» странах принято много чего. Например, бомбить столицы суверенных государств в самом центре Европы. Раздавать бублики участникам массовых беспорядков на Майдане. Устраивать тотальную слежку за личной жизнью своих граждан и прослушивание их переговоров. Поэтому в современной исторической ситуации довод о том, что «так принято в цивилизованных странах», не является убедительным аргументом. А потом, ведь не кто иной, как прокурор в силу ст. 211 УПК РСФСР 1960 г. был вправе произвести расследование в полном объеме по каждому уголовному делу,

а потом и поддерживать по нему государственное обвинение в суде. Иными словами, такая модель, когда одно и то же лицо может и проводить расследование, и поддерживать обвинение, все-таки существовала, причем очень долго. Однако лучше всяких рассуждений была бы экспериментальная проверка нашего предложения в условиях реального уголовного судопроизводства. И такой социально-правовой эксперимент есть. В Приднестровской Молдавской Республике (далее — ПМР) следователи не только расследуют уголовные дела, но и поддерживают государственное обвинение в суде.

В октябре 2012 г., с принятием закона ПМР от 16.10.2012 «О Следственном комитете Приднестровской Молдавской Республики», следственный аппарат выведен из органов прокуратуры в самостоятельное ведомство — СК ПМР. Одновременно были внесены изменения в ст. 6 Конституционного закона ПМР от 12.07.2006 «О прокуратуре Приднестровской Молдавской Республики», в силу которых прокуратура была лишена полномочий по осуществлению уголовного преследования — данная функция в полном объеме передана Следственному комитету ПМР. В то же время за прокуратурой сохранена функция по осуществлению надзора за предварительным следствием, однако процессуальный механизм его осуществления исключает блокирование одной из сторон действий другой. Именно руководитель следственного органа в силу п. «н» ч. 1 ст. 36¹ УПК ПМР утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд. Прокурор же в соответствии со ст. 35 УПК ПМР уполномочен вносить представления следственному органу об устранении выявленных нарушений законодательства ПМР, допущенных в ходе предварительного следствия. В случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с представлением прокурора последний вправе обратиться с представлением об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа либо в суд, и только решение суда по предмету спора между следователем и прокурором обязательно для каждой из сторон.

Заметим: реформа досудебного производства была проведена в ПМР с учетом двухлетнего опыта функционирования самостоятельного следственного органа в Российской Федерации, что позволило создать в непризнанной республике более сбалансированный механизм, исключающий возможность любого «великого противостояния». Именно приднестровская модель является тем эмпирическим фактом, который надежнее всяких теоретических спекуляций доказывает практическую состоятельность наших научных предложений. Поэтому желание некоторых наших оппонентов, в частности профессора Л.А. Воскобитовой, представить эти предложения как «наивные»¹⁵ без подведения под это какой-либо эмпирической базы выглядит не слишком-то убедительным. Кстати, куда

¹⁰ См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 1: Судостроительство. М.: Зерцало, 2008. С. 310.

¹¹ См.: Багмет А.М., Цветков Ю.А. Товарно-информационная концепция коммуникации следствия и суда // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 18.

¹² См.: Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор. С. 20.

¹³ Колоколов Н.А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. 2014. № 1 (12). С. 90.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // СПС «КонсультантПлюс».

более наивными представляются утопические рассуждения того же автора о том, что «именно прокурор должен своевременно выявлять обвинительный уклон и не допускать направление дел с таким искажением требований закона в суд»¹⁶. Это равносильно тому, чтобы назначить волка сторожить ягнят. Ведь приднестровский опыт учит тому, что прокурорский надзор за следствием может стать объективным, а сама система непротиворечивой тогда и только тогда, когда прокурор никоим образом не будет отвечать за конечный результат — приговор. В противном случае этот надзор всегда будет направлен на то, чтобы минимизировать риск вынесения оправдательного приговора (путем блокирования направления в суд сложных, с точки зрения доказывания, уголовных дел) либо всеми правдами и неправдами добиться вынесения обвинительного приговора, если дело находится в суде. Секрет преодоления пресловутого обвинительного уклона прост: прокурор как процессуальная фигура «уходит» либо из судебной стадии, либо из досудебной — другого варианта сделать его процессуальное положение непротиворечивым в современной парадигме уголовного судопроизводства нет.

Впрочем, излюбленным примером «неудачного» функционирования вневедомственного следственного органа является у наших оппонентов деятельность Государственного следственного комитета Республики Казахстан (далее — ГСК РК). С удовлетворением отмечая, как «быстро и почти без последствий» Казахстану удалось «переболеть пресловутым искушением “единого следственного комитета”»¹⁷, профессор Л.В. Головкин утверждает: «Ничем другим, кроме как полицейским ведомством, следственный комитет быть не может, что и доказали, например, казахские реформы середины 1990-х годов»¹⁸. В данном примере всегда настораживает серьезное передергивание фактов. ГСК РК просуществовал с января 1996 г. по декабрь 1998 г., при этом он изначально не был чисто следственным органом, а осуществлял также оперативно-розыскные функции и дознание. Однако уже с апреля 1997 г. он утратил монополию на предварительное следствие, полномочиями по осуществлению которого были вновь наделены органы внутренних дел. Таким образом, ГСК РК пережил трансформацию из универсального полицейско-следственного ведомства в универсальное антикоррупционное ведомство. А теперь об истинных причинах его ликвидации.

¹⁶ Воскобитова Л.А. Указ. соч.

¹⁷ Головкин Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1 «Отказ от стадии возбуждения уголовного дела» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Он же. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе. URL: <http://www.iuaj.net/node/484>.

Председателю надзорной судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан А.А. Касимову, выступавшему 10.04.2014 в Российской академии правосудия на международной конференции, посвященной 150-летию Судебных уставов 1864 г., был задан вопрос о том, что же послужило причиной ликвидации ГСК РК. В свойственных представителю восточной культуры витиеватых выражениях этот весьма осведомленный человек дал понять, что причиной ликвидации ГСК РК стала не его неэффективность, а как раз наоборот, его чрезмерная эффективность. Что это значит — искушенному читателю объяснять не надо.

А насколько все-таки эффективной была уголовно-процессуальная деятельность прокуратуры в условиях полноты надзорных полномочий и наличия собственного следственного аппарата? Пример, а точнее — привет из совсем недавнего прошлого прислал нам Европейский Суд по правам человека в своем постановлении от 28.11.2013 г. по делу «Новоселов против РФ».

Заявитель обратился с жалобой на то, что милиционеры похитили его и подвергли жестокому обращению 27 апреля 2004 г., а надлежащего расследования этих событий не было проведено.

Европейским Судом установлено, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявитель работал у С., владельца коммерческой организации. 1 декабря 2003 г. неустановленное лицо выстрелило в автомобиль С. из автомата АК-74. С. был ранен, но выжил. Следственные органы заподозрили заявителя и его знакомых Д.А., Д.М. и Ш. в организации покушения. В связи с этим 21 апреля 2004 г. УВД по Нижегородской области санкционировало проведение оперативного эксперимента. 26 апреля 2004 г. сотрудники милиции, которым был поручен эксперимент, получили следующие указания: «Сотрудники милиции, выдавая себя за представителей личной охраны С., должны доставить заявителя в автомобиле, принадлежащем С., в установленное место, где заявителя должен встретить и допросить сотрудник милиции, загримированный под С.».

Как следует из заявления Новоселова, примерно в 10 ч 00 мин. 27 апреля 2004 г. по дороге на работу был избит неизвестными, закован в наручники и против его воли посажен в автомобиль, принадлежащий С., на котором доставлен в лес. Через какое-то время подъехал еще один автомобиль. Из него вышли С. и человек в камуфляжной форме с пистолетом и пластиковым мешком. Заявителя сильно избили, а затем стали спрашивать, почему он хотел смерти С.? Заявитель отрицал свою причастность к подготовке покушения на С. Тогда его продолжили избивать, вставляли в рот пистолет, надевали на голову пластиковый мешок, от чего он несколько раз терял сознание. После того, как С. сказал: «Возьми топор и отруби ему ногу!», и он (заявитель) увидел в руках одного из мужчин топор, он сказал, что напишет все, что они хотят. Ему дали ручку и бумагу. Один из похитителей продиктовал ему несколько заявлений, а другой осуществлял видеосъемку происходящего, после чего доставили в отдел милиции, по прибытии в который заявитель вместо признания подал жалобу на жестокое обращение со стороны С. и его помощников. Вечером заявитель вернулся

домой, где встретился со своей сожительницей Л. и в тот же день обратился в больницу, откуда был выписан 14 мая 2004 г. с диагнозом: «травма правой почки, ушиб головного мозга, кровоподтеки мягких тканей лица и конечностей, кровь в моче, субарахноидальное кровоизлияние, перелом девятого ребра справа».

30 апреля 2004 г. заявитель был осмотрен врачом, следователем и экспертом в присутствии понятых, а после выписки из больницы направил все медицинские документы лицензированному специалисту по судебной медицине, который представил заключение о том, что травмы заявителя могли быть причинены 27 апреля 2004 г. при описанных им обстоятельствах и причинили вред его здоровью средней тяжести.

Впоследствии в ходе расследования покушения на С. версия о причастности заявителя была отклонена, дальнейшие события неизвестны.

В ответ на жалобу заявителя от 27 апреля 2004 г. прокуратура Нижегородского района г. Нижнего Новгорода (далее — прокуратура) провела предварительную проверку. Следователь прокуратуры опросил сотрудника милиции М., принимавшего участие в оперативном эксперименте, и С. Документы, касающиеся оперативного эксперимента, были рассекречены. 16 августа 2004 г. прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по заявлению Новоселова, указав, что С. не совершал преступлений, предусмотренных ст. 116, 119 и 126 УК РФ.

Заявитель узнал о причастности сотрудников милиции к событиям 27 апреля 2004 г. из отказа в возбуждении уголовного дела и 22 сентября 2004 г. обратился в прокуратуру с требованием о привлечении к ответственности сотрудников милиции, причастных к его похищению и избиению. Он также обжаловал постановление от 16 августа 2004 г. в вышестоящем органе.

19 октября 2004 г. прокурор Нижегородской области отменил постановление от 16 августа 2004 г. как вынесенное преждевременно и передал материал для дополнительной проверки.

18 марта 2005 г. следователь прокуратуры вынес новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Первая часть отказа воспроизводила ранее сделанные выводы прокуратуры, упоминавшиеся выше. В остальной части указывалось, что объективные данные, подтверждающие избиение заявителя и оказание на него психологического давления, отсутствуют.

Европейский Суд, удовлетворив жалобу заявителя, нашел установленным, что вследствие оперативного эксперимента 27 апреля 2004 г. заявитель был похищен переодетыми сотрудниками милиции, выдававшими себя за частную охрану, что эксперимент длился не менее нескольких часов, в течение которых заявителя жестоко избивали и допрашивали с применением угроз, с единственной целью — сломить его физическое и моральное сопротивление, чтобы склонить к признанию в совершении преступления.

Европейский Суд считает, что проверка обстоятельств, при которых заявитель мог получить травмы, была довольно ограниченной. Прокуратура опросила только одного из трех сотрудников милиции, против которых заявитель выдвинул жалобы. Несмотря на то, что два других сотрудника были известны, власти их не опросили. Кроме того, обращение заявителя от 22 сентября 2004 г. по поводу проверки причастности сотрудников милиции к происшествию было проигнорировано. Следствен-

ные органы не допросили В., сотрудника, к которому заявитель обратился сразу после происшествия 27 апреля 2004 г., его сожительницу Л. или врачей, которые зафиксировали травмы заявителя. Они также в основном проигнорировали аудио- и видеозаписи эксперимента, упоминавшиеся в постановлении от 16 августа 2004 г., используя их лишь косвенно для целей психологической экспертизы заявителя от 28 января 2005 г., а не для того чтобы, как это могло быть более целесообразно при данных обстоятельствах, выяснить точную последовательность событий 27 апреля 2004 г. Прокуратура не расследовала применение физической силы к заявителю, когда его втолкнули в автомобиль, что подтверждается милицейским рапортом от 27 апреля 2004 г. Таким образом, Европейский Суд полагает, что проверка его утверждений о жестоком обращении была поверхностной и формальной, а расследование жалобы на жестокое обращение неэффективным.

На основании изложенного Суд единогласно постановил, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции в материально-правовом и процессуальном аспектах и постановил, что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу выплатить заявителю 27 500 евро в качестве компенсации морального вреда и 2000 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек¹⁹.

Мы сознательно приводим данный пример с незначительными купюрами, чтобы детально определить роль прокурора и следственного аппарата, функционировавшего в прокуратуре, в том, насколько действенным был прокурорский надзор за деятельностью органов внутренних дел, и позволило ли наличие в прокуратуре собственных следственных подразделений предотвратить грубое беззаконие и привлечь виновных к ответственности. В приведенном примере, если даже абстрагироваться от самого факта применения пытки, обращают на себя внимание как минимум три вопиющих обстоятельства:

1) изначально очевидная противоправность самого плана проведения оперативного эксперимента, предусматривавшего похищение человека и применение по отношению к нему психологического насилия в целях принуждения к даче «признательных» показаний. Уже одного этого «эксперимента», который кроме как дикостью назвать нельзя, было вполне достаточно для возбуждения уголовного дела за превышение должностных полномочий в отношении сотрудников милиции, в том числе и лица, утвердившего такой план;

2) отсутствие какой бы то ни было правовой реакции со стороны прокурора и прокурорского следствия на причиненный заявителю вред здоровью средней тяжести, что само по себе, независимо от того, кто его причинил — сотрудники милиции или третьи лица, — образует состав преступления, предусмотренный ст. 112 УК РФ, и предполагает публичный характер обвинения;

¹⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 9.

3) нарочитая недобросовестность в проведении проверки, когда из трех сотрудников милиции, принимавших участие в эксперименте, опрошен только один, не выполнены иные само собой разумеющиеся проверочные мероприятия, на что указал в своем постановлении Европейский Суд.

Хотелось бы спросить уважаемого Н.А. Колоколова и всех тех, кто вместе с ним ратует за возврат к «славной» эпохе всевластия прокурора: каких прерогатив не хватило прокурору в 2004–2005 гг. для того, чтобы осуществить полноценный надзор в данном конкретном деле и, по меньшей мере, не довести его до позорного проигрыша в Европейском Суде по правам человека? Ведь такая «работа» прокурора и прокурорского следователя не только привела к материальному ущербу государственной казны в связи с исполнением данного постановления, но и к репутационным издержкам для нашего государства. Кто-то пожелает возразить, что приведенный пример — это единичный случай и по нему нельзя судить об эффективности всей системы прокурорского надзора. Однако, к сожалению, это далеко не единичный случай, это и есть система, о чем свидетельствуют последовательно выносимые Европейским Судом по правам человека аналогичные постановления, подтверждающие применение пыток в ходе досудебного производства: Постановление от 30.07.2009 по делу «Гладышев против РФ»²⁰, Постановление от 17.01.2012 по делу «Алчагин против РФ»²¹, Постановление от 14.02.2012 по делу «Валяев против РФ»²², Постановление от 13.03.2012 по делу «Могилат против РФ»²³, Постановление от 13.03.2012 по делу «Колпак против РФ»²⁴, Постановление от 03.04.2012 по делу «Казанцев против РФ»²⁵ и т.д.

Упомянутый нами профессор А.С. Александров, проведя опрос среди сотрудников органов внутренних дел, сообщает, что 17,4 % опрошенных применяют в своей работе физическое, а 28,8 % — психическое насилие по отношению к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений с целью получения от них информации. Со свойственной постмодернисту игривостью нижегородский процессуалист делает на основании полученных им данных вывод о том, что «пытка есть элемент культуры (искусства) уголовного судопроизводства в современной России»²⁶.

²⁰ Российская хроника Европейского суда. 2009. № 3.

²¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 8.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. № 9.

²⁵ Там же.

²⁶ Александров А.С. Пытка как реальность современного уголовного судопроизводства (сатирическая зарисовка) // Практическое законоискусство. 2008. № 1 С. 34.

Случаи применения пытки в деятельности органов внутренних дел зачастую поражают одной удивительной особенностью: пытка применяется даже в тех случаях, где, казалось бы, преступление может быть раскрыто путем самых элементарных розыскных мероприятий и где доказательства, достаточные для изобличения виновного, лежат на поверхности. Почему это происходит? Ответ очевиден: из-за незнания элементарных основ оперативно-розыскной тактики и криминалистической методики, помноженного на нежелание получать эти знания в условиях, при которых можно с тем же успехом следовать по десятилетиями проторенному «царскому» пути в доказывании. Но кто, как не прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский, возвел признание вины в ранг «царицы доказательств» и тем самым дал оперативным службам соответствующие ориентиры по ее добыванию (точнее было бы сказать — выбиванию)? Итак, круг замкнулся!

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в 1924 г. А.Я. Вышинский требует отказаться от «старой точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием», а самого следователя переподчинить прокурору, сведя его до положения помощника прокурора по собиранию доказательств²⁷. «Легендарному» прокурору вторят и наши современные авторы.

А.С. Александров (отказавшийся от своего авторства в пользу М.Л. Позднякова): «Нам нужен качественно иной правовой формат противодействия преступности: “полицейское дознание”, то есть оперативно-розыскная деятельность и расследование как единое целое»²⁸.

Л.А. Воскобитова: «Необходимо усиливать и процессуально укреплять надзорную функцию прокурора на стадии предварительного расследования»²⁹.

Н.А. Колоколов: Должно быть «неоспоримое право прокурора поручать следователю собрать необходимые по делу доказательства», ибо «прокурор в целом отвечает за дело, а не следователь»³⁰.

Не правда ли, создается ощущение, что все эти реплики прозвучали на все том же съезде?

Озвученная А.Я. Вышинским идея была полностью реализована в нашей стране с 1927 г. Ликвидация остатков самостоятельности предварительного следствия и установление режима

²⁷ V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. 10–13 марта 1924 г. Тезисы. Стенографический отчет. Резолюции. М., 1924. С. 103–104, 197–198.

²⁸ Поздняков М.Л. Указ. соч. С. 23.

²⁹ Воскобитова Л.А. Указ. соч. С. 4.

³⁰ Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор. С. 28, 29.

всевластия прокурора сначала на досудебной стадии, а потом и во всем уголовном процессе уж явно никак не способствовали укреплению законности и обеспечению прав человека, скорее наоборот, стали принципиально важным этапом на пути воцарения полного беззакония, уродливые атакизмы которого в виде пыточной практики сохранились в деятельности наших правоохранительных органов и до сего дня. Стало быть, и А.Н. Колоколов, и А.С. Александров с М.Л. Поздняковым, и Л.А. Воскобитова не предлагают ничего нового, а лишь зовут нас вернуться к теоретическому наследию идеолога и практика сталинских репрессий прокурора СССР А.Я. Вышинского.

Характерно, что дореволюционные юристы, мыслившие в формате совсем иных цивилизационных стандартов, выступали апологетами независимости и приоритетного положения следователя на досудебной стадии. Так, выдающийся русский процессуалист сенатор В.К. Случевский утверждал, что именно «следователь, а не прокурор, представляется главным по производству предварительного следствия лицом, сохраняющим за собой инициативу и самостоятельность действий, равно как и ответственность за правильное и целесообразное ведение его»³¹.

Сторонники усиления надзорных полномочий прокурора в российском уголовном процессе никогда не дают себе труда выяснить, насколько эффективно прокурор использует тот объем полномочий, который был за ним сохранен. В этом плане весьма показателен следующий пример.

12.10.2010 в отделение милиции №2 УВД по г. Кургану обратилась Е-ва М. с заявлением об исчезновении своего сына Е-ва Ю., проживавшего в дер. Костоусово Кетовского р-на Курганской области, о местонахождении которого не было известно с 15.08.2010.

17.12.2010 в ОВД по Кетовскому р-ну Курганской области обратилась К-ва М. с заявлением об исчезновении своей сестры К-вой И., в котором указала, что в начале августа 2010 г. сестра уехала на автомобиле вместе со своим сожителем и неизвестными людьми, при этом последний был должен кому-то деньги.

Вплоть до 12.10.2011 указанные заявления о безвестном исчезновении двух граждан находились в производстве ОВД по Кетовскому р-ну, где по ним по различным основаниям выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Только 12.10.2011, то есть спустя год с момента подачи первого заявления, прокуратурой Кетовского р-на материалы проверки по заявлениям об исчезновении Е-ва Ю. и К-вой И. были направлены для проведения проверки в порядке ст. 144, 145 УПК РФ в Кетовский межрайонный следственный отдел СУ СК России по Курганской области. Изучение материалов показало, что Е-ва Ю. и К-ва И. были сожителями и пропали в один день при схожих обстоятельствах, поэтому материалы проверки были соединены в

одно производство. Немногим более двух недель следователям понадобилось для того, чтобы установить криминальный характер их исчезновения, и 31.10.2011 по данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Изучение личностей потерпевших показало, что Е-ва Ю. незадолго до своего исчезновения стал потерпевшим по уголовному делу о вымогательстве денежных средств, одним из подозреваемых по которому проходил ранее неоднократно судимый за совершение особо тяжких преступлений Федорцов. Изучение круга общения последнего, а также исчезнувших, позволило установить лиц, которые были свидетелями и соучастниками совершенного Федорцовым убийства Е-ва Ю. и К-вой И. Уже на втором месяце расследования было установлено местонахождение трупов Е-ва Ю. и К-вой И., а вскоре доказана и причастность Федорцова к совершенному преступлению, которую он сам последовательно отрицал на всем протяжении предварительного и судебного следствия.

Приговором Курганского областного суда от 26.10.2012, постановленным на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, Федорцов был признан виновным в вымогательстве у Е-ва Ю. денежных средств и убийстве Е-ва Ю. и К-вой И. из мести за уголовное преследование, и ему назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Приведенный пример, хотя он и говорит сам за себя, все же нуждается в кратком комментарии. Прокурор в силу положений ведомственных правовых актов должен проверять розыскные дела о без вести пропавших не реже одного раза в месяц и давать по ним указания. А теперь, исходя из этого факта, попробуем ответить на следующие вопросы:

1) почему для того, чтобы понять, что одновременное исчезновение двух сожителей является как минимум взаимосвязанным событием, следователю понадобился всего один день, а органам внутренних дел и прокуратуре не хватило и года?

2) почему для того, чтобы установить, что сожители исчезли при криминальных обстоятельствах, следователю хватило двух недель, а органам внутренних дел под надзором прокуратуры не хватило и года?

В принципе, перечень вопросов можно было бы продолжать, но и этих двух вполне достаточно для того, чтобы понять: абстрактный «институциональный хаос», который не дает покоя умам наших процессуалистов, не идет ни в какое сравнение с тем реальным хаосом, который имеет место в отдельных сферах правоохранительной деятельности. Однако вместо того, чтобы искоренять в деятельности органов внутренних дел пыточную практику или осуществлять реальный, а не мнимый надзор за розыском без вести пропавших, то есть использовать свои полномочия в интересах людей, прокуратура предпочитает бдительно следить за каждым процессуальным

³¹ Случевский В.К. Указ соч. С. 311.

«шорохом» в СК России. Наиболее показательной в этом отношении является практика отмены прокурорами постановлений следователей об отказе в возбуждении уголовных дел. Всего за 2013 г. отменено 91 631 такое постановление, а по результатам дополнительных проверок возбуждено 675 уголовных дел, то есть 0,74 % от числа отмененных. Таким образом, коэффициент эффективности процессуальной деятельности по отмене решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела (0,0074) крайне низкий, что свидетельствует о нерациональном расходовании государственных сил и средств в данном направлении деятельности. Контраргумент профессора Н.А. Колоколова о том, что эффективность надзорной практики Президиума Верховного Суда РФ составляет примерно такой же процент³², вряд ли можно признать сколь-нибудь релевантным: надзор, осуществляемый на стадии возбуждения уголовного дела, от надзора Президиума Верховного Суда РФ отделяют как минимум пять надзорных стадий, поэтому доля брака по мере прохождения каждой последующей стадии естественным образом сокращается. Однако для большей «наглядности» приведем два коротких примера.

Постановление следователя Курчатковского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Курской области об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти Ч., скончавшегося вследствие ишемической болезни сердца, отменялось прокурором в связи с необходимостью приобщения к материалам проверки амбулаторной карты Ч. в целях установления факта предыдущего обращения умершего за медицинской помощью по поводу сердечно-сосудистых заболеваний, а также для проверки версии о криминальном характере смерти последнего в связи с желанием родственников получить в наследство имущество Ч.

Данный пример указывает на то, что желание прокурора под любым предлогом отменить решение следователя настолько велико, что он игнорирует даже такую простую юридическую истину, что независимо от того, сколько людей имело мотив желать смерти покойного, никакого правового значения это не имеет, если смерть наступила в результате естественных причин. А теперь давайте зададимся вопросом: что нужно обществу — высокие статистические показатели работы прокурора по отмене по формальным основаниям постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела или реальная неотвратимость наказания, залогом которой является раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет, коих в СК России только за 2013 г. раскрыто 7436? И это не результат

везения, это результат целенаправленной работы, поставленной на системную основу как одно из приоритетных направлений работы СК России с момента его образования.

Имеют место и случаи абсолютно немотивированной отмены решений следователя.

Отменяя постановление следователя Палласовского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Волгоградской области, вынесенное им 05.04.2013 за отсутствием в действиях С. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ, и.о. прокурора Палласовского района ограничился лишь указанием на то, что изучением материала проверки установлено наличие в нем повода и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, в связи с чем решение следователя является незаконным и необоснованным. При этом в нарушение требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ и.о. прокурора не привел ни одного мотива, по которому он признал выводы следователя об отсутствии состава преступления необоснованными.

Можно ли представить себе, чтобы судья, признавая в порядке ст. 125 УПК РФ какое-либо обжалуемое постановление незаконным, не привел бы ни одного довода в обоснование своего вывода? Мы в своей практике с таким не сталкивались. И первым такое судебное постановление обжаловал бы сам прокурор. А вот в отношении себя прокурор почему-то такого поведения не исключает. По существу — это уже вошедший в привычку за десятилетия советской власти пренебрежительный стиль поведения прокурора по отношению к следователю, в котором как раз и проявляется та старая идентичность, которая препятствует прокуратуре наладить сотрудничество со следственными органами на паритетных началах.

Такое пренебрежение следователем в поведении дореволюционного прокурора было бы просто немыслимым. В музее нашей Академии есть один весьма примечательный документ — обращение прокурора Воронежского окружного суда от 27.05.1894 к судебному следователю по важнейшим делам о соединении уголовных дел в одно производство. Важно даже не содержание обращения, а используемые автором речевые обороты: «Имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, — обращается прокурор к следователю, — для надлежащих соображений при направлении производящихся Вами следственных действий об убийстве Петровской и других, об убийстве урядника Кологривова и Шведова <...> я полагал бы целесообразным коих следствия об убийстве Кологривова и Шведова присоединить к делу об убийстве Петровской. Прокурор (подпись)»³³. Сравнивая оба документа, приходишь к неутешительному выводу о том, насколько обмельчала за минувшее

³² См.: Колоколов Н.А. Современные стандарты взаимодействия участников уголовного судопроизводства // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. Вып. 5. М.: Академия СК России, 2014. С. 243.

³³ Историко-познавательная экспозиция музея Академии СК России «Кабинет судебного следователя».

столетие общая и правовая культура профессиональных взаимоотношений публичных участников уголовного судопроизводства.

Сегодня предварительное следствие в России переживает свой ренессанс. Впервые не только образуются самостоятельные следственные органы, возникают новые субъекты следственной деятельности (следователь-криминалист), но и происходит также формирование науки и системы высшего образования, заточенной на потребности следственной практики. Из придатка какого-либо ведомства следствие трансформируется в самостоятельный орган государственной власти, а сама следственная деятельность — в полноценную институционально и юридически завершенную операционную систему. С образованием Следственного комитета полностью реализуется замысел Петра Великого, воплощенный в созданных им 300

лет назад майорских следственных канцеляриях. В деятельности Следственного комитета государство российское обрело дополнительную мощную опору, а российское общество — ту силу, которая способна восстановить самый острый дефицит в нашем обществе — дефицит социальной справедливости. «Великая» эпоха всевластия прокурора сменяется новой эпохой — эпохой сильного следствия. Она, безусловно, изменит, да и сейчас уже изменяет весь облик и содержание уголовного судопроизводства. Есть все основания надеяться, что тот ренессанс, который переживает сегодня институт предварительного следствия, потянет за собой как цепную реакцию также и ренессанс всей системы отечественного судопроизводства. И, безусловно, не сотрется из истории вклад юристов — ученых и практиков — приблизивших наступление этой новой эпохи.

Библиография:

1. Александров А.С. Пытка как реальность современного уголовного судопроизводства (сатирическая зарисовка) // Практическое законоискусство. — 2008. — № 1. — С. 27–34.
2. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // СПС «КонсультантПлюс».
3. Головкин Л.В. Развитие российского предварительного следствия и сравнительно-правовые архетипы досудебного производства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. / под ред. А.И. Бастрыкина. — М.: Академия СК России. — 2014. — Вып. 3. — С. 186–196.
4. Головкин Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1 «Отказ от стадии возбуждения уголовного дела» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Головкин Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе. URL: <http://www.iaaj.net/node/484>.
6. Колоколов Н.А. Великое противостояние: следователь vs прокурор // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 5 (16). — С. 244–255.
7. Колоколов Н.А. Современные стандарты взаимодействия участников уголовного судопроизводства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения / под ред. А.И. Бастрыкина. — М.: Академия СК России. — 2014. — Вып. 5. — С. 243.
8. Колоколов Н.А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. — 2014 — № 1 (12). — С. 87–109.
9. Колоколов Н.А. Укрепление власти следственной // Уголовный процесс. — 2007. — № 7. — С. 41–52.
10. Регнет Э. Организационные конфликты: формы, функции и способы преодоления. — Харьков: Гуманитарный центр, 2014. — 408 с.
11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 1. Судостроительство. — М.: Зерцало, 2008. — 400 с.

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2015 г.

STRONG INVESTIGATION AND ITS OPPONENTS

Bagmet, Anatoliy Mikhailovich — PhD in Law, Acting Rector of the Academy of the Investigation Committee of the Russian Federation.

[akskrf@yandex.ru]

125080, Russia, Moskva, ul. Vrubelya, 12.

Tsvetkov, Yuri Anatolievich — PhD in Law, Head of the Department of Investigation Activities of the Academy of the Investigation Committee of the Russian Federation.

[akskrf@yandex.ru]

125080, Russia, Moskva, ul. Vrubelya, 12.

Review. *The ongoing scientific discussion in the legal press and scientific forums on the models of organization of investigation activities shows that the issue concerning an investigator as a procedural figure is currently a cornerstone issue of the formation of the modern doctrine of the pre-trial proceedings, as well as the criminal process in general. The authors of the work turn to the examples of prosecution and judicial*

practice, as well as the practice of organization of law-enforcement activities abroad, and then they analyze the main arguments of the opponents of the formation of strong and independent investigative power in the Russian Federation, as opposed to the approaches for the formation of the most efficient model of interaction of public participants of criminal judicial proceedings, which is developed by the scientific school of the Academy of the Investigation Committee of the Russian Federation. The object of analysis involves the provisions of the current criminal procedural legislation, which does not provide the subjects of judicial activity with the right to challenge in court the decisions of the prosecutor blocking the progress in a criminal case, as well as to participate in criminal cases without changing his procedural identity. The authors study efficiency of procedural supervision over criminal procedural activities of an investigator taking examples of cancellation of decisions on refusal to initiate a criminal case. Taking examples from the practice of the European Court of Human Rights regarding complaints of persons regarding torture in operative investigation activities, the authors evaluate the role of supervisory practice of the prosecution in the sphere of compliance with the lawfulness requirements by the internal affairs bodies. The authors provide historical and critical analysis of the propositions of the Russian scholars on strengthening the supervisory competence of the prosecutor at the stage of preliminary investigation, and accordingly the weakening of the procedural independence of investigation bodies and investigators. The authors follow ideological and historical ties between the liquidation of independence of the investigative power and establishment of torture practice in the actions of law-enforcement bodies. The authors criticize the substitution of the true goals of law-enforcement bodies serving the public interest with the imaginary interests regarding achievement of statistical results. Formation of the strong investigation power based upon the united Investigation Committee of the Russian Federation is viewed by the authors as the most acceptable way to improve the pre-trial proceedings in criminal cases in the current historical situation. In their opinion it is capable of simultaneously facilitating strengthening of the Russian statehood and the protection of the fundamental rights of an individual, first of all, the right to life and personal inviolability.

Keywords: investigator, Investigation Committee, prosecutor, pre-trial proceedings, torture, the European Court of Human Rights, prior crimes, supervision, conflict, interaction, efficiency.

Bibliography:

1. Aleksandrov, A.S. Torture as a reality of the modern criminal judicial proceedings. Satirical sketch // *Prakticheskoe zakonodatel'stvo*. — 2008. — № 1. — P. 27–34.
2. Voskobitova, L.A. Accusation or an accusative tendency? // *SPS «Konsul'tantPlyus»*
3. Golovko, L.V. Development of the Russian preliminary investigation and comparative legal archetypes of the pre-trial proceedings // *Investigating crimes: problems and possible solutions. Collection of scientific and practical works* / Ed. by A.I. Bastrykin. — M.: Akademiya SK Rossii. — 2014. — Issue 3. — P. 186–196.
4. Golovko, L.V. Kazakhstan: De-Sovietization of criminal procedures. Article 1. Abandoning the stage of initiation of a criminal case // *SPS «KonsultantPlyus»*.
5. Golovko, L.V. Police reform within the context of modernization of the preliminary proceedings in the Russian criminal process. URL: <http://www.iaaj.net/node/484>.
6. Kolokolov, N.A. The great opposition: an investigator versus a prosecutor // *Biblioteka kriminalista*. — 2014. — № 5 (16). — P. 244–255.
7. Kolokolov, N.A. Modern standards for the interactions of the participants of the criminal judicial proceedings. // *Investigating crimes: problems and solutions* / Ed. by A.I. Bastrykin. — M.: Akademiya SK Rossii. — 2014. — Issue 5. — P. 243.
8. Kolokolov, N.A. Stage of initiation of a criminal case: to preserve, to transform or to abolish? // *Criminalist library*. — 2014 — № 1 (12). — P. 87–109.
9. Kolokolov, N.A. Strengthening investigative power // *Ugolovnyy protsess*. — 2007. — № 7. — P. 41–52.
10. Regnet, E. Organizational conflicts: forms, functions and means to overcome them. — Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr, 2014. — 408 p.
11. Sluchevskiy, V.K. Manual of the Russian criminal process. P. 1. Judicial system. — M.: Zertsalo, 2008. — 400 p.